Смирнова

ОДЕССКИЕ УЖАСЫ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖ 471
С 615,

№ 14

ИЗДАТЕЛЬСКІЙ КОМИТЕТЪ
при Главномъ Совѣтѣ Союза Русскаго Народа.

ОДЕССКІЕ УЖАСЫ.

ГЖ471
С615

С. Смирнова.

Изданіе первое.

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Отечественная типографія. Подольская, 34.
1907

К. 1984
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
ГЖ471 Р
С 615, 1
1636
60598 У

Одесскіе ужасы.

Девять депутатовъ изъ черты осѣдлости ѣздили недавно къ премьеръ-министру просить его, чтобы онъ принялъ мѣры противъ готовящихся къ Пасхѣ еврейскихъ погромовъ. Откуда имъ извѣстно, что къ Пасхѣ готовятся погромы, и насколько эти свѣдѣнія вѣрны, объ этомъ судить трудно. Можно только напомнить, что въ прошломъ году за одинъ іюнь мѣсяцъ министру внутреннихъ дѣлъ было прислано 1,327 телеграммъ о готовящихся въ Имперіи еврейскихъ погромахъ. Въ сравненіи съ этимъ заявленіе девяти депутатовъ кажется уже скромнымъ. Оно указываетъ, что опасность уменьшилась. Въ девяти губерніяхъ едва ли можно ожидать 1,300 погромовъ. Премьеръ-министръ успокоилъ депутатовъ, обѣщавъ, что всѣ мѣры будутъ приняты.

Одинъ изъ нихъ, г. Пергаментъ, особенно боится за Одессу. Онъ сказалъ, что только разоруженіе бѣлогвардейцевъ можетъ ее спасти отъ печальной участи. Министръ успокоилъ и его, что и тутъ уже принимаются мѣры.

Что же это однако за бѣлогвардейцы и почему надо спасать отъ нихъ Одессу?

Присяжный повѣренный Пергаментъ, о которомъ въ газетахъ писали, что это „красивый ораторъ типа южнаго краснорѣчія съ преобладаніемъ музыкальности надъ силою слова“, обѣщалъ своимъ избирателямъ внести въ Думу запросъ о звѣрствахъ бѣлогвардейцевъ въ Одессѣ. Ихъ называютъ

еще союзниками, потому что всѣ они монархисты изъ союза русскаго народа. Что эти монархисты сдѣлали съ Одессой, обративши ее въ груду развалинъ, объ этомъ мы со временемъ услышимъ въ Думѣ. А пока попробуемъ, раньше чѣмъ г. Пергаментъ разскажетъ объ этомъ въ парламентѣ, разобраться въ томъ, что происходило въ Одессѣ за послѣдніе мѣсяцы.

Съ половины января оттуда стали приходить отчаянныя телеграммы. Очевидно тамъ творилось что-то ужасное. Городъ былъ въ рукахъ разбойничьей банды, на улицахъ рѣзали людей. „Сегодня избито, изувѣчено, ранено ножами 150 человѣкъ“,— телеграфировали въ Петербургъ. На другой день опять „еще 200 человѣкъ ранено“. Черезъ день „еще 300 человѣкъ“. Прямо страшно становилось. Среди бѣлаго дня рѣжутъ людей, и никакой защиты отъ разбойниковъ нѣтъ. Чего же смотрятъ мѣстныя власти? Вѣдь тамъ есть градоначальникъ, генералъ-губернаторъ, командующій войсками. Почему не обратятся къ нимъ? Обращались, говорятъ, ничего не помогаетъ. Что же они отвѣчаютъ? Что они не въ силахъ справиться съ черносотенцами.

Но это возмутительно. Городъ во власти какихъ-то бандитовъ, а командующій войсками открыто заявляетъ, что онъ не можетъ съ ними справиться. Или можетъ быть войска тоже перешли на сторону бѣлогвардейцевъ? Можетъ быть это военный заговоръ? Но кто же тогда стоитъ во главѣ этого заговора? Оказывается—графъ Коновницынъ. Вся черная банда повинуется ему. Значитъ баронъ Каульбарсъ въ плѣну, войска ему измѣнили и перешли на сторону графа Коновницына. Въ Одессѣ готовится государственный переворотъ, и графъ хочетъ объявить себя президентомъ черноморской республики. Нѣтъ, говорятъ, этого не можетъ быть. Графъ—монархистъ. Но тогда съ какой же цѣлью избиваетъ онъ мирное населеніе? Какіе у него адскіе замыслы? Цѣль у

него очень опредѣленная—истребить въ городѣ евреевъ и студентовъ. Всю свою шайку онъ натравляетъ на нихъ. Бѣлогвардейцы собираются въ чайныхъ, произносятъ тамъ канибальскія рѣчи, потомъ разсыпаются вооруженными шайками по всему городу, избиваютъ и подкалываютъ ножами множество народа. Они прямо изъ толпы выхватываютъ намѣченныя жертвы и увозятъ ихъ на извозчикахъ въ свои притоны, гдѣ пытаютъ и увѣчатъ ихъ. Они мучаютъ ихъ по цѣлымъ часамъ, выламываютъ имъ руки и ноги, топчутъ сапогами, срываютъ ногти, бьютъ, царапаютъ, кусаютъ... Совсѣмъ, какъ въ рижскомъ застѣнкѣ! Точно это списано съ протокола, который читалъ въ Думѣ присяжный повѣренный Пергаментъ. А когда жертва уже безъ чувствъ, они за волосы вытаскиваютъ ее на улицу и предаютъ полиціи.

Нельзя было читать безъ ужаса о томъ, что дѣлается въ Одессѣ. Если убиваютъ и увѣчатъ по 200 человѣкъ въ день, и это продолжается цѣлый мѣсяцъ, и населеніе при этомъ бѣжитъ, то въ концѣ-концовъ городъ долженъ опустѣть. Сколько теперь въ Одессѣ жителей, не знаю, но должно быть очень мало. Каждый день газеты сообщали, что жители бѣгутъ, жизнь замерла, въ городѣ паника, уныніе, смерть и застой. Сначала били только евреевъ, потомъ стали бить всѣхъ. Союзъ русскаго народа организовалъ особый легіонъ для избіенія интеллигенціи. Достаточно было имѣть культурный видъ, чтобы получить порцію резинъ или увѣчье на всю жизнь. О разсѣченныхъ головахъ, пробитыхъ черепахъ и сломанныхъ ребрахъ не успѣвали сообщать. Бѣдному еврею-торговцу разбивали сифонъ объ голову, студента оглушали полупудовой гирей. Нельзя было выйти на улицу, чтобы не наткнуться на черносотенца съ звѣрскимъ, чисто разбойничьимъ лицомъ. Въ университетѣ сначала прекратили вечернія занятія, потомъ закрыли его совсѣмъ „въ виду невозможности работать въ атмосферѣ избіеній“. На биржѣ пре-

кратились всякія сдѣлки. Огромный культурный городъ готовъ былъ превратиться въ груду развалинъ.

А баронъ Каульбарсъ все еще командовалъ войсками. Напрасно газеты писали объ одесскихъ ужасахъ, выпуская статьи подъ заголовками: „Плѣненный городъ“!.. „Вопль изъ провинціи“, эти вопли не трогали правительство. Можно было подумать, что оно въ заговорѣ съ графомъ Коновницынымъ, который поклялся истребить интеллигенцію въ Одессѣ, оставивъ въ ней только чайныя союза русскаго народа. Съ особенной ненавистью преслѣдовалъ онъ университетъ, посылая дружинниковъ караулить студентовъ у выхода. И едва только студентъ показывался, какъ его начинали молотить резинами. Однихъ молотили, другихъ подкалывали. На отдѣльныхъ лицъ шли съ ножами, а въ толпу прямо стрѣляли залпами. Увидавъ разъ, что еврейскія дѣти играютъ въ снѣжки, стали палить и въ нихъ, но къ счастью не попали. Конечно еврейское дитя не представляло для черносотенцевъ такого интереса, какъ студентъ, на котораго они накидывались съ бѣшенствомъ. Одного они тутъ же растерзали, когда онъ вздумалъ обороняться.

Казалось, что дальше идти уже некуда, что вся чаша страданій несчастнаго города испита до дна, но нѣтъ, каждое утро приносило новыя страданія. „Вчерашній день, извѣщали телеграммы, ознаменовался ужасами, превзошедшими всѣ прочіе“... Кинулись опять съ мольбою о защитѣ къ генералу Каульбарсу, но онъ хладнокровно отвѣтилъ: „Пусть представятъ виновныхъ—ихъ предадутъ суду“.

А союзники въ это время ходили съ резинами, окликая прохожихъ: „Жидъ или русскій?“ „Свистѣли въ воздухѣ резины, рвались еврейскія перины“,—писала съ горькой ироніей одна петербургская газета. Но рвались не перины, перины были цѣлы, а истерзанныя сердца одесситовъ.

„Сосчитайте число жертвъ,—телеграфировали они въ Петербургъ.—Оно превышаетъ даже число пострадавшихъ въ ужасные октябрьскіе дни".

Наконецъ подъ резину подвернулись иностранные подданные и, по ошибкѣ принятые за жидовъ, были избиты. Это чуть не вызвало появленія европейскихъ эскадръ въ Черномъ морѣ. Иностранные консулы телеграфировали державамъ, державы вступились за своихъ подданныхъ, это грозило вмѣшательствомъ Европы и спасло Одессу. По крайней мѣрѣ такъ объясняютъ ту счастливую случайность, что Одесса еще не въ развалинахъ. Еслибъ державы не остановили графа Коновницына, онъ разрушилъ бы городъ до основанія.

Можно себѣ представить, что будетъ въ Думѣ, когда ораторъ съ такимъ темпераментомъ и музыкальностью рѣчи, какъ присяжный повѣренный Пергаментъ, нарисуетъ эту потрясающую картину звѣрствъ и насилій съ одной стороны и безконечныхъ страданій съ другой. Но въ Думѣ будутъ черносотенцы, которые все это начнутъ оспаривать и нарисуютъ совсѣмъ другую картину. Они и сейчасъ утверждаютъ, что никакого погрома въ Одессѣ не было, а просто союзъ русскаго народа проучилъ евреевъ. И надѣется съ Божіей милостью и впередъ имъ спуску не давать.

Посмотримъ, чѣмъ были вызваны одесскія избіенія. Первое столкновеніе союзниковъ съ одесситами произошло еще въ ноябрѣ, когда началась забастовка въ порту. Забастовавшіе рабочіе хотѣли остановить пароходное движеніе, союзники этому воспротивились. На мѣсто забастовавшей команды они поставили свою, изъ союза русскаго народа. Пароходы пошли, но съ ними начались разныя катастрофы. Они то садились на мель, то горѣли, то происходили взрывы въ машинномъ отдѣленіи. Все это приписывалось неумѣнью команды, набранной изъ разнаго сброда. Истинно русскій сбродъ, какъ объясняла еврейская печать,

топилъ пароходы. Развѣ это матросы?— говорила она.—Это хулиганы, погромщики, пропойцы. Это все русскіе патріоты, вымогающіе—подъ угрозой набить морду—двугривенный на похмѣлье. За двугривенный они куда угодно пойдутъ, но каково пассажирамъ, которые довѣряютъ свою жизнь этимъ подонкамъ? Дня не проходило, чтобы не сообщались извѣстія о новыхъ аваріяхъ на пароходахъ съ истинно русской командой. Вотъ они, молодцы изъ союза русскаго народа! Они наводнили портъ штрейкбрехерами, привозили ихъ буквально цѣлыми вагонами изъ Кіева, Кишинева и другихъ городовъ, навезли кучу отбросовъ, и что же въ результатѣ? Разбитые и поломанные пароходы! Наконецъ на пароходѣ „Новороссійскъ“ вспыхнулъ пожаръ, онъ выбросился на берегъ вблизи Судака. Вся прогрессивная печать ликовала. „Черносотенные погромщики изъ команды графа Коновницына оказались отличными организаторами крупнѣйшихъ морскихъ аварій“.

Но тутъ вдругъ открылась одна маленькая деталь, которая совсѣмъ иначе освѣтила событія. Оказалось, что организаторами аварій была не истинно русская команда, а „товарищи“, т. е. забастовщики и бомбисты.

Изъ мести черносотенцамъ, которые стали на работу вмѣсто нихъ, забастовщики устраивали взрывы на пароходахъ. Приносили завернутую въ паклю адскую машину и спускали ее въ трюмъ или машинное отдѣленіе. Сначала взорвалась бомба на „Николаѣ II“, потомъ на грузовомъ пароходѣ, причемъ два матроса были изувѣчены. Потомъ нѣсколько разъ пытались взорвать зафрахтованный Русскимъ Обществомъ пароходъ „Григорій Меркъ“. Въ тюрьмѣ захватили разъ спрятавшагося тамъ молодца съ пироксилиновыми шашками и бикфордовымъ шнуромъ. Наконецъ въ Александріи были пойманы три еврея, покушавшіеся взорвать русскій пароходъ съ такимъ расчетомъ, чтобы

взрывъ произошелъ въ открытомъ морѣ и всѣ пассажиры съ командой погибли.

Кто устраивалъ аваріи—стало ясно. Гдѣ были погромщики, тоже не подлежало сомнѣнію. Но оплеванному въ газетахъ союзу русскаго народа съ графомъ Коновницынымъ прогрессивная печать не прощала, что они сорвали забастовку и не дали разыграться безпорядкамъ, которыхъ такъ жаждали республиканцы. Что въ забастовавшемъ порту голодали чернорабочіе, что многіе изъ нихъ молили Христомъ Богомъ отправить ихъ на родину, на Кавказское побережье, потому что въ Одессѣ имъ нечего ѣсть, до этого республиканцамъ не было дѣла. Что стачка въ порту разоряла городъ и жизнь замирала не отъ того, что бѣлогвардейцы пришли работать на пароходы, а отъ того, что неработающіе товарищи отрѣзали Одессу отъ всего побережья, объ этомъ тоже республиканцы не заботились. Но монархисты стали имъ на дорогѣ, разстроили ихъ планы, за это они рѣшили имъ отомстить. Послѣ адскихъ машинъ и поджоговъ начались убійства. Почти одновременно былъ убитъ рабочій шорникъ изъ союза русскаго народа и капитанъ парохода „Цесаревичъ Георгій“ подполковникъ Сенкевичъ. Вотъ собственно моментъ, съ котораго вспыхнула открытая борьба партій въ Одессѣ. Послѣ похоронъ Сенкевича на улицахъ появилась молодежь съ резинами и стала пороть евреевъ. Правые именно такъ и называли это поркой, тѣлеснымъ наказаніемъ, которому они подвергали ихъ за убійство союзниковъ. Лѣвые этого не ожидали и подняли крикъ, что ихъ рѣжутъ. Съ одной стороны летѣли телеграммы, что въ городѣ идетъ разбой, что черная банда громитъ Одессу, а съ другой говорили: „Вы убиваете нашихъ, мы васъ за это публично поремъ“.

Еврейская печать писала о звѣрствахъ союзниковъ, о резиновыхъ палкахъ, которыми чуть не до смерти убиваютъ людей, черносотенная отвѣ-

чала: „вздоръ! резина никого не убиваетъ. Она только стегаетъ наглецовъ".

Лѣвые жаловались на генерала Каульбарса, который потворствуетъ черносотенцамъ. А правые ругали градоначальника, называя его жидовскимъ батькой за то, что онъ потворствуетъ жидамъ.

Чтобы выяснить положеніе дѣлъ въ Одессѣ, надо сопоставить жалобы одной партіи съ показаніями другой. Вотъ, напримѣръ, что разсказывали лѣвые. „Вооруженная банда висѣльниковъ изъ союза русскаго народа понаставила вездѣ разбойничьи заставы, мимо которыхъ нѣтъ никому ни прохода, ни проѣзда. Противъ нихъ выступила самооборона рабочихъ. Завязалась перестрѣлка. Съ обѣихъ сторонъ есть раненые. Полиціей арестована масса молодыхъ евреевъ". Что за странность? Почему это вдругъ „жидовскій батька" арестовалъ массу молодыхъ евреевъ? За что? Да просто такъ, по подозрѣнію, какъ участниковъ самообороны. Значитъ самооборона рабочихъ состояла изъ евреевъ. И какъ лѣвые ни стараются обойти это молчаніемъ, но изъ ихъ же словъ видно, что масса молодыхъ евреевъ была арестована не безъ основаній.

Вообще въ разсказахъ лѣвыхъ есть удивительныя детали. Бѣдныхъ честныхъ евреевъ бьютъ и потомъ ихъ же тащатъ въ участокъ. Хватаютъ и ввергаютъ въ темницу не палача, а жертву.

Невольно является мысль: а не было ли у жертвы чего-нибудь въ родѣ маузера или браунинга, которые она пускала въ ходъ? Черносотенцы клянутся, что еврейское населеніе вооружено поголовно.

Какъ одинъ изъ выдающихся примѣровъ звѣрства союзниковъ, приводятъ избіеніе еврея Вейца. На бѣднаго еврея, такъ себѣ, ни за что, ни про что, накинулись озвѣрѣвшіе и, конечно, пьяные черносотенцы, онъ отъ нихъ бѣжалъ и вскочилъ въ первыя попавшіяся ворота. Пьяная компанія за нимъ.

— Выдавай жидовъ! — оретъ она дворнику.
— У меня жидовъ никакихъ нѣту.
— А, ты жидовъ укрываешь!

Въ дворника стрѣляютъ, онъ падаетъ смертельно раненый въ животъ. Бѣдный еврей спрятался на чердакѣ. Черносотенцы его нашли тамъ и стали истязать. Истязали такъ, что какъ онъ не отдалъ Богу душу, прямо непостижимо. По описаніямъ еврейскихъ газетъ, его просто растерзали. Однако его послѣ этого повели въ участокъ.

Вдругъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ появляется такая замѣтка: „Дѣло канибальски истерзаннаго Вейца приняло неожиданный оборотъ. Его съ тремя товарищами обвиняютъ въ стрѣльбѣ въ городового, а также и въ смертельномъ пораненіи дворника дома, гдѣ онъ укрылся отъ толпы озвѣрѣлыхъ союзниковъ“. Что такое? Какъ во первыхъ его могутъ обвинять, когда онъ растерзанъ толпой, а потомъ причемъ тутъ смертельное пораненіе дворника? Всѣ еврейскія газеты писали, что дворникъ убитъ черносотенцами. Послушаемъ теперь, что говорятъ черносотенныя газеты.

Эти конечно описываютъ случай совсѣмъ иначе. Бѣдный еврей выстрѣлилъ и побѣжалъ. Въ Одессѣ это обыкновенная исторія. Бѣдные евреи стрѣляютъ, а члены союза русскаго народа за это ихъ ловятъ и бьютъ, и потомъ ведутъ въ участокъ. Евреи конечно стрѣляютъ только ради самообороны и единственное, въ чемъ ихъ можно упрекнуть,—что *у нихъ самооборона предшествуетъ нападенію*. Встрѣчая на улицѣ русскихъ патріотовъ, они прямо начинаютъ съ самообороны и пускаютъ въ нихъ пули. Патріоты отъ этого свирѣпѣютъ, поднимаютъ крикъ, что „жиды стрѣляютъ“, и дѣло кончается тѣмъ, что было съ Вейцомъ—поркой резинами.

Относительно дворника выяснилось, что онъ убитъ не русскимъ, а евреемъ, что не помѣшало бѣднымъ евреямъ не только свалить это на союзъ

русскаго народа, но даже разсылать эту клевету по телеграфу по всей Россіи и требовать, чтобы правительство положило конецъ этому разбою. Совершивъ убійство, приписать его противной партіи—на эту гнусность способенъ не всякій. Одной этой подробности достаточно, чтобы подорвать вѣру къ тому, что писала еврейская печать объ еврейскихъ событіяхъ. Еслибъ даже все остальное была правда, то и тогда каждый имѣетъ право сказать: „не вѣрю".

Исторія съ Вейцомъ, если снять съ нея всѣ украшенія, очень проста. Что Вейцъ выстрѣлилъ первый, этого даже еврейскія газеты не отрицаютъ, вѣрнѣе не могутъ отрицать. За нимъ погнались, какъ за убійцей. Онъ забѣгаетъ на чужой дворъ. Дворникъ не пускаетъ его. Онъ стрѣляетъ ему въ животъ, бѣжитъ на чердакъ и прячется. Тамъ его нашли, выдрали резинами, вытащили во дворъ и передали полиціи. Истязанія же, о которыхъ съ такимъ сладострастіемъ говорятъ газеты, оставляемъ на ихъ совѣсти. Имъ можно сказать тоже „не вѣримъ"! Если онѣ клялись, что черносотенцы убили дворника, что имъ стоитъ поклясться, что они подвергли неслыханнымъ пыткамъ бѣднаго еврея. Цѣну этимъ клятвамъ мы знаемъ. Они шлютъ въ заграничныя газеты описанія разныхъ звѣрствъ, которыя будто бы творятся въ Россіи, потомъ сами ихъ оттуда перепечатываютъ и такъ упиваются своей ложью, что не умѣютъ во время остановиться.

Вотъ что, напримѣръ, писала „Рѣчь" о пыткахъ въ Ригѣ. Какому-то несчастному юношѣ вырвали всѣ волосы изъ головы и бороды. Поломали ему нѣсколько ребръ и позвон очный столбъ. Прикладомъ маузера разбили голову. Какъ вы думаете, что будетъ съ человѣкомъ, которому переломили позвоночный столбъ и разбили прикладомъ черепъ? Да что же! Положить его въ гробъ и сказать „царство ему небесное". Читайте дальше, что пишетъ „Рѣчь". „Но все же онъ не далъ нужныхъ полиціи показаній. Этимъ

лишь и можно объяснить, что его приговорили всего къ 15 лѣтней каторгѣ, а не къ смертной казни". Какъ же это? Покойника на каторгу приговорили, да еще на 15 лѣтъ! Нѣтъ, онъ оказывается остался живъ. Вотъ какія ужасныя пытки въ Ригѣ, что люди остаются безъ ногъ, безъ рукъ, безъ головы и въ такомъ видѣ ссылаются потомъ на каторгу.

Въ прежнее время писателей звали сочинителями. Какъ жаль, что это слово вышло изъ употребленія. Объ одесскихъ ужасахъ сочинители такъ много наговорили, что сами наконецъ запутались и никакъ не могутъ придумать развязки. Союзъ русскаго народа растерзалъ какихъ-то молодыхъ евреевъ, но имена этихъ евреевъ никто назвать не можетъ. Кровь лилась рѣкой, бѣлогвардейцы кого-то подкалывали, стрѣляли, убивали, а убитыхъ нѣтъ. Если не считать тѣхъ, кого убили террористы, то единственной жертвой этихъ кровавыхъ январьскихъ ужасовъ былъ одинъ студентъ. Еврейская печать, конечно оплакиваетъ этого безвременно погибшаго юношу, но, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія, безвременно угасшій юноша былъ раненъ при вооруженномъ нападеніи на городового. Что дружинники союза русскаго народа стали на защиту городовыхъ, этого лѣвыя партіи никакъ имъ простить не могутъ. Оставляя за собой право насилія, убійства и ношенія оружія, они отнюдь не допускаютъ этого у другихъ партій. Имѣть револьверъ для защиты своей жизни монархистъ не долженъ. Своей прерогативы, ходить съ браунингами по улицамъ, они ни съ кѣмъ дѣлить не хотятъ. Право проливать кровь—это ихъ святое, неотъемлемое право. Великая россійская революція поручила это имъ и всякій, кто этому противится, не даетъ рѣзать себя, какъ барана—есть хулиганъ и погромщикъ. Союзъ русскаго народа сталъ открыто сопротивляться имъ,—ясно, что надо обезоружить его. Объ этомъ они телеграфировали въ Петербургъ и съ

этими же требованіями явились къ командующему войсками.

Баронъ Каульбарсъ отвѣтилъ, что союзъ русскаго народа имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и другія политическія партіи. Разоружить его онъ не можетъ, такъ какъ онъ не знаетъ, кто тамъ вооруженъ. Можно разоружить полкъ, но не политическую партію.

— Я столько же знаю, кто вооруженъ въ союзѣ русскаго народа, какъ знаю, кто вооруженъ у лѣвыхъ партій.

Изъ этой бесѣды съ барономъ профессора одесскаго университета вынесли убѣжденіе, что онъ вовсе не считаетъ своимъ долгомъ охранять интересы еврейскаго бунда. Онъ даже далъ имъ совѣтъ, который привелъ ихъ въ негодованіе.

— Разоружите еврейскую самооборону, выскажите рѣшительное осужденіе террористическимъ актамъ слѣва, опубликуйте это и вы сдѣлаете многое для успокоенія.

Но какое же можетъ быть успокоеніе, когда союзъ русскаго народа будетъ мѣшать убивать русскихъ должностныхъ лицъ? Вѣдь не могъ же баронъ не понять, что истребленіе русской администраціи необходимо для успокоенія страны. Но баронъ этого не понялъ. На жалобы республиканцевъ, что бѣлогвардейцы избиваютъ ихъ на улицахъ, онъ сказалъ, взявъ со стола резиновую палку:

— Вотъ вамъ орудіе, которое употребляютъ союзники. Вѣдь это только резина, ею самое большее можно причинить синякъ. А вотъ чѣмъ орудуютъ господа революціонеры.

Онъ показалъ спиральную проволоку съ гирей на концѣ.

— Тутъ уже не синякъ, а орудіе, убивающее на смерть.

Борьба партій въ Одессѣ ожесточалась послѣ каждаго политическаго убійства. Какъ только въ городѣ убивали казака или городового, или бро-

сали бомбу въ полиціймейстера, такъ на улицахъ начинала свистѣть резина черносотенцевъ. И что удивительнѣе всего, въ этой черносотенной расправѣ самое живое участіе принимала молодежь. У насъ вообще молодежь настроена революціонно, она охотнѣе подаетъ руку бомбистамъ, чѣмъ русскимъ національнымъ партіямъ. Но на югѣ начинается уже реакція. Выведенная изъ терпѣнія буйствующими въ университетахъ кагалами, зачастую оплеванная, обруганная, изгоняемая съ лекцій, не находя защиты у профессоровъ и у министра народнаго просвѣщенія, она прибѣгаетъ къ самосуду совершенно такъ же, какъ доведенная до отчаянія деревня расправляется съ конокрадами и поджигателями. Когда законныхъ способовъ оградить себя отъ хулигановъ нѣтъ, прибѣгаютъ къ незаконнымъ. Когда министерство, которое обязано ограждать науку и учащихся отъ набѣга джигитовъ, заключаетъ съ ними молчаливый договоръ, ничего больше не остается, какъ защищать себя самимъ. И тамъ, гдѣ соціалъ-абреки, какъ кто-то удачно ихъ назвалъ, сдѣлали нестерпимымъ пребываніе съ ними въ университетскихъ стѣнахъ, тамъ и народились впервые тѣ патріотическіе кружки, въ родѣ „Двуглаваго Орла“, въ которые спѣшитъ сплотиться потерявшая терпѣніе молодежь. Ея еще мало, пока это кучка эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ кагала, но соціалъ-абреки сами позаботятся о томъ, чтобы число ея быстро увеличивалось.

Въ Одессѣ уже 200 студентовъ записались въ союзъ русскаго народа. Въ Ярославлѣ въ Демидовскомъ лицеѣ нашелся пока только одинъ такой смѣльчакъ. Въ Казани они насчитываются единицами. Но на югѣ Россіи, гдѣ кагалъ особенно силенъ, отпоръ ему все растетъ. Гимназисты, реалисты, гимназистки надѣваютъ значекъ союза русскаго народа и, къ ужасу и негодованію соціалъ-абрековъ, не боятся носить его публично. Какъ партія гонимая, русская національная партія при-

влекаетъ къ себѣ самую стойкую и мужественную молодежь. Получая свистки, насмѣшки, брань, бойкоты, она только закалится въ борьбѣ. Этого движенія лѣвые боятся, они чувствуютъ свою опасность и съ бѣшеной злобой опрокидываются на него. Пока въ школѣ шла ихъ пропаганда, они апплодировали ей. Но какъ только началось патріотическое движеніе, они стали кричать, что это деморализуетъ дѣтей, что въ школѣ не мѣсто политикѣ.

„Въ школу проникъ барабанный патріотизмъ,— возмущается ихъ печать,—и обыватель въ ужасѣ при видѣ того разврата и распущенности, которымъ подвергаются дѣти“. Однако, когда въ прошломъ году гимназисты выкидывали черные флаги, пѣли: „вы жертвою пали“, и писали на доскѣ: „долой самодержавіе“, прогрессивные политиканы были въ восторгѣ, называя это пробуждающимся самосознаніемъ учащихся. Но стоило только школьникамъ запѣть народный гимнъ, какъ они пришли въ ужасъ и потребовали изгнанія политики изъ школы. „Государственная школа должна преслѣдовать цѣль воспитанія и обученія, поучаютъ они, а для желающихъ предаваться патріотическому разврату можно предоставить спеціальныя частныя учебныя заведенія, нарядивъ ихъ воспитанниковъ въ патріотическія одежды и вооруживъ ихъ дубинами и дрекольями“.

Итакъ, національное чувство у дѣтей называется политическими демонстраціями; его преслѣдуютъ и изгоняютъ изъ школы. Вотъ когда соціалъ-абреки въ университетахъ выражаютъ сочувствіе директору института за то, что онъ не мѣшалъ имъ держать у себя бомбы для домашняго употребленія—это не патріотическій развратъ. Но пропѣть гимнъ въ гимназіи или приколоть къ платью ленточку національныхъ цвѣтовъ—это уже политическая демонстрація. Въ Одессѣ были случаи, что 15-лѣтнихъ гимназистокъ толкали и ругали на улицахъ за то, что онѣ прикололи себѣ

трехцвѣтный бантикъ. Одного прохожаго за это просто избили. Увидавъ на немъ такой бантикъ, еврей сталъ бить его желѣзной палкой, пока на крикъ прохожаго не явился городовой и не задержалъ еврея.

Можно ли послѣ этого удивляться ожесточенію русскихъ, не тѣхъ русскихъ только по имени, которые послали въ Думу присяжнаго повѣреннаго Пергамента, а тѣхъ, которые, по выраженію еврейскихъ газетъ, предаются патріотическому разврату, т. е. ходятъ въ церковь, не называютъ своихъ архіереевъ погромщиками, не говорятъ, что русскія войска умѣютъ только бѣгать отъ непріятеля, которые хотятъ, чтобы ихъ дѣти въ школѣ учились, а не служили панихиды по знаменитымъ убійцамъ, которые думаютъ, что Менделѣевъ нужнѣе для Россіи, чѣмъ Аладьинъ, и адмиралъ Чухнинъ ей ближе, чѣмъ Кизеветтеръ.

Негодованіе русскихъ растетъ. Депутаты изъ черты осѣдлости бросились за помощью къ министру, потому что сами чувствуютъ, что тамъ перешли всѣ границы. Но вмѣсто того чтобы остановить своихъ и сказать имъ: „Осторожнѣе, господа! вы зашли слишкомъ далеко“, они ищутъ защиты у правительства, у того самаго правительства, которое они всячески поносятъ.

Кидаясь за помощью къ министрамъ, они продолжаютъ поносить все русское и дошли до того, что стали называть Русскихъ „истинно-русскими стервятниками“. „Только истинно-русскіе стервятники, пишутъ они о полтавскихъ монархистахъ, чувствуютъ себя хозяевами положенія“. И послѣ этого они удивляются, что ихъ бьютъ резинами.

Разоружить союзниковъ—это ихъ завѣтная мечта. Надъ безоружнымъ врагомъ они могутъ издѣваться сколько имъ угодно. Они давно уже ведутъ кампанію противъ барона Каульбарса, чтобы смѣстить его такъ же, какъ они смѣстили Д. Б. Нейдгардта. Если бывшій градоначальникъ былъ принесенъ въ жертву за то, что въ русскомъ госу-

дарствѣ отстаивалъ русскіе, а не еврейскіе интересы, то почему имъ не расчитывать, что въ лицѣ генерала Каульбарса жертва будетъ принесена имъ вторично. Имъ надо удалить его во что бы то ни стало. А пока они ѣдутъ къ министру съ требованіемъ обезоружить черносотенцевъ. И если, какъ имъ обѣщано, требованіе это будетъ исполнено, Русскихъ опять будутъ бить на улицахъ и гнать со скандаломъ изъ университетовъ. Будутъ наконецъ убивать ихъ, что теперь въ разныхъ городахъ и дѣлается. Рѣдкій день не приноситъ извѣстія о новой жертвѣ изъ союза русскаго народа.

И тѣ, которые осмѣливаются говорить объ истинно-русскихъ стервятникахъ, сами десятками умерщвляютъ людей и умерщвляютъ подло, изъ засады, чтобы потомъ безслѣдно скрыться. Они кричатъ правымъ: „погромщики. Каины, провокаторы!“ и подъ шумокъ пристрѣливаютъ ихъ. Недобитыхъ враговъ они дорѣзываютъ даже въ больницахъ, а въ это время ихъ наемные публицисты позорятъ союзъ русскаго народа.

Въ Одессѣ союзъ русскаго народа дѣйствительно страшно мѣшалъ имъ. Одна мысль, что они могутъ получить отпоръ отъ него, и отпоръ очень чувствительный, парализовала ихъ храбрость, которая безпредѣльна, когда ихъ боятся. Передъ покорнымъ стадомъ они грозные диктаторы,—передъ сплоченной организаціей, которая говоритъ имъ: „Довольно! прекратите ваши насилія, мы ихъ больше не потерпимъ“, они быстро пасуютъ и бѣгутъ жаловаться правительству. Лучшимъ доказательствомъ, какого страха нагналъ на нихъ союзъ русскаго народа, служатъ проводы ихъ депутата Пергамента. Вмѣсто шумной толпы съ рѣчами, марсельезой и ношеніемъ депутата на рукахъ, на вокзалъ явился только десятокъ-другой его знакомыхъ, скромненько проводили его и, когда поѣздъ тронулся, шепотомъ кричали ему „ура“.

„Истерзанный городъ не пришелъ провожать своего депутата,—жаловались еврейскія газеты.—

Иные считали раны, иные оплакивали погибшихъ" (вѣроятно городовыхъ и убитыхъ черносотенцевъ, потому что другихъ погибшихъ въ истерзанномъ городѣ не было). Вспомнили о бѣлогвардейцахъ и на вокзалъ не пошли. А тѣ, которые пришли, въ томъ числѣ и бывшій депутатъ Щепкинъ, жались къ стѣнкѣ, говорили шопотомъ и вдругъ, набравшись храбрости, но съ большими предосторожностями, чтобы не услыхалъ союзъ руссаго народа, „прокричали тихое и жидкое „ура".

„О моя родина!—писалъ послѣ этого профессоръ Ковалевскій,—неужели тебѣ еще придется истекать кровью и покрываться позоромъ!.. Генералъ Каульбарсъ такъ распустилъ бразды правленія, что уличный сбродъ и всякая сволочь можетъ преподавать кулаками всѣмъ встрѣчнымъ уроки патріотизма!.. Насъ бьютъ и убиваютъ на улицахъ, насъ пытаютъ въ тюрьмахъ". На это „Кіявлянинъ" отвѣтилъ: „Дѣйствительно убиваютъ на улицахъ и въ домахъ, но не друзей г. Ковалевскаго, а друзья г. Ковалевскаго".

20 тысячъ союзниковъ въ Одессѣ не были уличнымъ сбродомъ, а были напротивъ грозой уличнаго сброда. „Только при ихъ помощи,—говоритъ баронъ Каульбарсъ,—я могу удерживать населеніе отъ погрома". Пора бросить эту басню, что союзъ состоитъ изъ погромщиковъ. Когда по всей Россіи пронеслись погромы, союзъ русскаго народа еще не существовалъ. Послѣ того, какъ возникъ союзъ, было только два погрома, сѣдлецкій и бѣлостокскій. Но сѣдлецкій—Евреи приписываютъ войскамъ, т.-е. другими словами, что было усмиреніе возстанія военной силой. Остается одинъ въ Бѣлостокѣ, но и тутъ, какъ видно изъ разбиравшагося надняхъ судебнаго дѣла, союзъ русскаго народа былъ не при чемъ. Не есть ли это лучшее доказательство, что союзъ русскаго народа не вызываетъ погромовъ, а напротивъ предотвращаетъ ихъ.

Онъ борется не погромами, а подъемомъ рус-

60598.

скаго національнаго чувства. И это для еврейства гораздо страшнѣе. Когда студентъ надѣваетъ значокъ союза, а гимназистка бантикъ національныхъ цвѣтовъ, когда въ отвѣтъ на марсельезу поютъ „Боже, Царя храни!“, идутъ за гробомъ измѣнически убитыхъ городовыхъ, открыто борются съ кагаломъ въ университетахъ, когда изъ черты осѣдлости посылаютъ въ Думу правыхъ, т.-е. русскихъ патріотовъ, опасность для еврейства растетъ. Національное русское движеніе опасно тѣмъ, что разъ начавшись, оно не остановится. Оно медленно, но неуклонно пойдетъ все дальше и, какъ весенній разливъ, смоетъ весь мусоръ, которымъ засорили умы.

И сколько бы ни кричали о провокаторахъ, Каинахъ, кровопійцахъ, это дѣлу не поможетъ. Не легендарный Гамзей Гамзеичъ, о которомъ трубятъ газеты, а господа изъ племени Мандельштама и Зильберфарба, какъ называютъ ихъ германскій канцлеръ, занимаются провокаціей. Они дошли до того, что убитаго русскаго монархиста Прохорова называютъ въ газетахъ Сашкой Прохоровымъ. Для нихъ онъ даже не человѣкъ, онъ просто Сашка.

Неудивительно, что послѣ этого они боятся погромовъ и ѣдутъ къ министру просить у него защиты.

Но чѣмъ можетъ помочь имъ министръ? Остановить движенія онъ не въ силахъ. О томъ, какъ оно растетъ, можно судить по росту союза. Годъ тому назадъ союзъ русскаго народа насчитывалъ въ Одессѣ 500 членовъ, теперь ихъ 20 тысячъ. Для полумилліоннаго населенія это еще немного. Но вотъ что говоритъ объ этомъ харьковскій профессоръ Вязигинъ: „Медленно вырастаетъ изъ желудя вѣковѣчный, могучій дубъ, тогда какъ лопухъ растетъ быстро, но и живетъ недолго“.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)
С. Смирнова.

161
20

ИЗДАТЕЛЬСКІЙ КОМИТЕТЪ

ПРИ ГЛАВНОМЪ СОВѢТѢ

СОЮЗА РУССКАГО НАРОДА.

№ 1. **Степанъ Казанскій.** Русскіе люди среди разныхъ политическихъ партій. Спб., 1907 г. Ц. 3 коп.

№ 2. **Терентьевъ Ив.** Поминки по первой Государственной Думѣ. Изд. 2-е. Спб., 1907 г. Ц. 3 коп.

№ 3. ***. Тайны политики, способы ея дѣйствій и результаты, достигнутые ею при помощи науки и либерализма. Изд. 2-е. Спб., 1907 г. Ц. 5 коп.

№ 4. **Яковлевинъ.** Русская революція и еврейская соціалъ-демократія. Изд. 2-е. Спб., 1907 г. Ц. 10 коп.

№ 5. **П. Р—ъ** Да здравствуетъ самодержавіе!.. Спб., 1907 г Ц. 3 коп.

№ 6. **гр. П. Комаровскій.** Памяти графа А. П. Игнатьева. Спб., 1907 г. Ц. 10 коп.

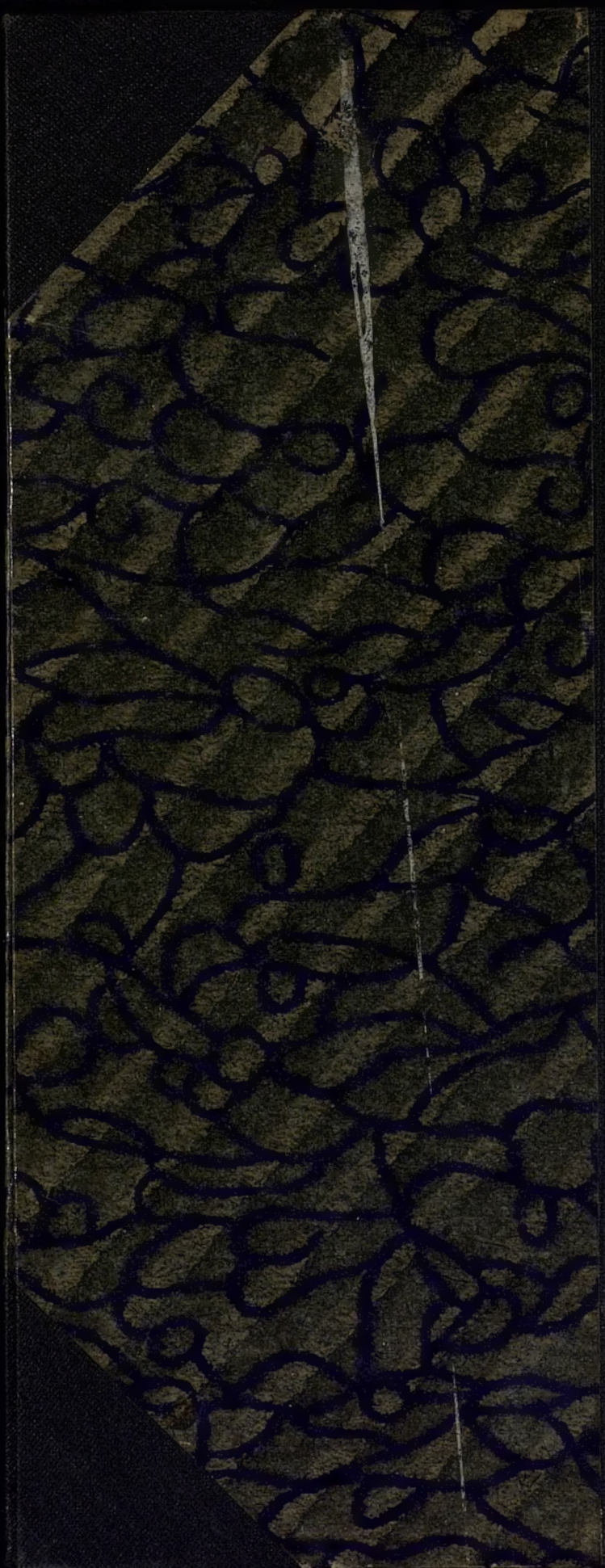
№ 7. **Л. Коцевольская.** Два очерка. Спб., 1907 г. Ц. 10 коп.

№ 8. ***. О войнѣ и смутахъ. Воззваніе къ русскому народу. Спб., 1907 г. Ц. 5 коп.

№ 9. **Владиміръ Успенскій,** протоіерей. Перстъ Божій. Спб., 1907 г. Ц. 3 коп.

№ 10. **А. В. Осоговъ.** Забастовка какъ средство борьбы. Изд. 2-е. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

№ 11. Синодикъ членовъ второй Государственной Думы. Выпускъ I. СПБ. 1907 г. Ц. 25 к.

№ 12. **С. Россовъ.** 40 дней 2-й Государственной Думы. СПБ. 1907 г. Цѣна 15 коп.

№ 13. Каталогъ книгъ, изданныхъ и одобренныхъ Издательскимъ Комитетомъ при Главномъ Совѣтѣ Союза Русскаго Народа. СПБ. 1907 г. Цѣна 25 коп.